

A woman with long, dark, curly hair is seen from behind, looking out of a large, ornate window. She is wearing a black, long-sleeved Victorian-style dress with a lace collar and a full skirt. The window is framed by dark wood and features a large, intricate clock face on the right side. The clock face shows a face and some text, including "ОБЩЕСТВО" and "СВЯТЫЙ". The scene is set in a room with dark wood paneling and a red cushioned chair is visible on the left.

Дара Вейн

**Салтычиха. Кровь на
паркете**

Дара Вейн

Салтычиха. Кровь на паркете

<https://litres.ru/74215847>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мрачный исторический роман о Дарье Салтыковой, чьё имя стало синонимом бесчеловечной жестокости. За фасадом благочестия и щедрости московской барыни скрывалась тирания: под её властью гибли крепостные, а страх и молчание годами хранили эту тайну. История раскрывает путь от безнаказанности к суду — через тайные письма, рискованные свидетельства и личное вмешательство Екатерины II. Это не просто хроника преступления, а размышление о природе власти и зла: о том, как чувство вседозволенности стирает грань между госпожой и мучительницей. Финал подводит к суровому приговору и одиночеству каземата — и к горькому уроку, который империя должна была усвоить: закон не может зависеть от титула.

Содержание

Глава 1. Маска благочестия	4
Конец ознакомительного фрагмента.	6

Дара Вейн Салтычиха. Кровь на паркете

«Закон для всех един. Даже для тех, кто привык считать себя выше него».

<ет>Из указа императрицы Екатерины II по делу Дарьи Салтыковой</ет>

Глава 1. Маска благочестия

Москва, 1762 год. Дом Дарьи Николаевны Салтыковой на Сретенке встречал гостей блеском позолоты и тяжёлой тишиной. В парадной зале пахло воском и ладаном: барыня только что вернулась из церкви, где долго и усердно молилась, кладя земные поклоны так, что шёлковая мантия ложилась на пол тяжёлыми складками.

Для соседей и духовенства Дарья Николаевна была образцом добродетели: щедрая благотворительница, строгая, но справедливая хозяйка, безутешная вдова, посвятившая жизнь памяти мужа. Говорили, что она жертвует на храмы, кормит нищих у ворот и сама читает Псалтырь над усопшими.

А в задних комнатах, за толстыми дубовыми дверями, жила другая Салтыкова.

В тот день всё началось с пустяка. Молодая дворовая девушка Акси́нья подала барыне не ту шаль — не ту, что та хотела надеть к обеду. Дарья Николаевна медленно подняла глаза, и в них не было ни гнева, ни спешки — только ледяное спокойствие, от которого у прислуги стыла кровь.

— Ты что же, глухая, девка? Или руки у тебя кривые?

Акси́нья побледнела, пальцы задрожали, она потянулась, чтобы поправить шаль, но сделала это неловко, и тонкая ткань скользнула на пол.

Дарья Николаевна не закричала. Она даже не повысила голоса. Только кивнула стоявшему у двери приказчику:

— Выведи её во двор. Пусть помнит, как служить госпоже.

Когда Акси́нью увели, барыня спокойно поправила складки платья и пошла к столу, будто ничего не произошло. А в голове у неё уже складывался следующий шаг: сегодня — шаль, завтра — проступок посерьёзнее. И наказание должно быть таким, чтобы остальные поняли: здесь нет места ошибкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.